

Говорили также, что Император Цзин был недоволен князем Ин и рано или поздно найдет повод через этот титул казнить его.

Князь Ин тогда жил в вечном страхе, боялся, что император Цзин будет им недоволен, и судьба его будет такой же, как у других братьев: тело исчезнет, род угаснет. Стоял он на коленях у ворот Чертога Цяньхуа с лицом, полным ужаса, плакал и умолял императора отменить указ.

Император Цзин тогда беззаботно рассмеялся:

— Всего лишь титул. Чего паникуешь? Если я говорю, что ты выдержишь, значит, выдержишь.

Князь Ин не посмел возразить Императору Цзину и молча принял титул. Амбиций у князя Ин не было, ума, как у других братьев, тоже, и решительности, как у Императора Цзина, не было. Он просто хотел жить хорошо, есть и спать.

В эти годы князь Ин жил в постоянном страхе, как бы Император Цзин не нашел какой-нибудь ошибки. Не то что общаться с чиновниками, он старался вообще из дома не выходить.

Красавиц во внутреннем дворе у него было много и ярких, а наследник всего один, по имени Фань.

Князь Ин рано присвоил Ци Фаню титул наследника, и этот наследник князя Ин был не кто иной, как Ци Фань.

Ци Фань в княжеской резиденции был балован, дела вел не так осторожно, как его отец, а весьма дерзко и своенравно.

Дядя императрицы, родной младший брат императрицы Вэнь Вань — Вэнь Яо, взял имя Чжаолинь. С сестрой они были очень близки.

В обычное время он любил травить собак и играть с птицами. Став дядей императрицы, он стал еще более наглым. Сестра — императрица, да и единственная женщина в гареме императора, получала исключительную любовь, поэтому жители столицы, встретив Вэнь Яо, обычно уступали ему дорогу.

У Ци Фаня и Вэнь Яо пока была только дружба по собакам, но через год их имена станут еще громче. Пить в домах веселья, шуметь на рынках, тратить тысячи золота ради улыбки красавицы — вот их повседневная жизнь.

Поистине два главных мота столицы Великой Ци.

Позже они поссорились из-за одной красавицы, подрались при всех, пьяными кричали, обвиняли друг друга в том, что те давят властью, и громко ругались, не желая уступать. Шум стоял на весь город.

Даже были рассказчики, которые взяли их за прототип и сочинили историю о соперничестве двух мужчин за женщину; она широко распространилась в тавернах и на театральных подмостках.

Узнав об этом, Ци Цзюньму вызвал обоих и отчитал на все корки, сказав, что в лицо они опозорились, и запер дома, чтобы обдумать свое поведение.

Когда после этого случая Ци Фань снова появился перед людьми, он уже исправился, а Вэнь Яо

стал гораздо серьезнее и сразу уехал на Западные рубежи. Позднее исчезновение Ци Цзюньчжо на Западных рубежах, как говорили, было связано с Вэнь Яо.

А Ци Фань был довольно близок со вторым братом Ци Цзюньму, Ци Цзюнью. В прошлой жизни, перед смертью Ци Цзюньму как раз вел расследование этих дел, только нашел зацепку, как и человека не стало.

Теперь внезапно услышав «наследник князя Ин» и «дядя императрицы», Ци Цзюньму увидел в них двух будущих мот.

В прошлой жизни они тоже хвастались перед Шэнь Нянем и смеялись над ним.

Тогда Ци Цзюньму, хоть и относился к Шэнь Няню с подозрением и хотел, чтобы влияние семьи Шэнь в армии Северных рубежей упало, лично к Шэнь Няню относился с уважением. Поэтому он и отчитал тогда Ци Фаня и Вэнь Яо, а Шэнь Нянь в тот момент проявил великодушие и драться не собирался.

Удивление Ци Цзюньму было наполовину искренним, наполовину притворным, а на лице — полное изумление. Вдовствующая императрица к Шэнь Няню относилась неплохо, о сегодняшнем деле на утреннем приеме она слышала; ситуация тогда сложилась так, что малейшая ошибка была бы крайне невыгодна для императора.

То, что Шэнь Нянь выступил вперед, значило, что он оказал услугу императору, и в сердце Вдовствующей императрицы он сразу поднялся в цене. Это была одна из причин, почему она, услышав слова «маркиз — усмиритель Севера», не удержалась и спросила лишнее.

Теперь, услышав, что Шэнь Нянь вообще-то избил двух членов императорской семьи, да еще и у ворот дворца, в сердце Вдовствующей императрицы появилось неудовольствие; уровень благосклонности резко упал, она почувствовала, что этот маркиз — усмиритель Севера, пожалуй, слишком дерзок.

Ци Цзюньму убрал выражение с лица, встал и обратился к Вдовствующей императрице:

— Матушка, я пойду посмотрю, в чем там дело.

Вдовствующая императрица кивнула, теперь ей было не до разговора о Вэнь Вань. Тонем с легкой ноткой назидания она сказала:

— Ты — император, маркиз — усмиритель Севера — любимый слуга. Это дело ты должен рассмотреть тщательно; если это действительно вина Ци Фаня и Чжаолиня, ты не должен их слишком покровительствовать.

Смысл её слов был в том, чтобы Ци Цзюньму немного подыграл Шэнь Няню.

В сердце Вдовствующей императрицы хоть и было некоторое недовольство Шэнь Нянем, она понимала: сейчас время беспокойное, а армию Северных рубежей называют армией семьи Шэнь. Вес Шэнь И в сердцах солдат Северной армии был больше, чем у императора.

Сейчас Шэнь И только что умер, если Шэнь Нянь потерпит унижение, сердца солдат Северной армии будут нестабильны, они будут недовольны императором — и это будет большим делом.

Вдовствующая императрица, да и не только она, все думали, что император именно из-за этого так терпим к Шэнь Няню.

Иначе они не могли бы найти другой причины, почему император так защищает Шэнь Няня.

Ци Цзюньму понял смысл слов Вдовствующей императрицы и ответил:

— Матушка, не волнуйтесь. Если дело действительно не в вине маркиза — усмирителя Севера, я ни в коем случае не буду покровительствовать, а если у маркиза есть вина, я также не потерплю.

И члены императорской семьи, и маркиз — усмиритель Севера — его подданные, он, конечно, будет относиться к ним одинаково. Если вина членов императорской семьи — накажет, если провинность Шэнь Няня — он не побоится и не станет терпеть из-за армии Северных рубежей.

Сказав это, Ци Цзюньму ушел. Жуань Цицин поклонился Вдовствующей императрице до земли, встал и вслед за ним покинул помещение.

Когда люди ушли, Вдовствующая императрица вздохнула. Она знала, что Ци Цзюньму вообще не слушал её слова, и выглядела унылой.

Фухуа и Юэ переглянулись, понимая друг друга: идти в Императорский сад было вообще-то лишь предлогом, они не хотели вмешиваться в отношения между Вдовствующей императрицей и императором. Теперь император ушел, настроение у Вдовствующей императрицы испорчено, сначала они не ушли, а теперь и вовсе не могли уйти.

Юэ посмотрела на Вдовствующую императрицу, подмигнула Линь Эню, намекая, чтобы он заговорил.

Линь Энь моргнул своими глазами, сияющими как звезды, потом посмотрел на Вдовствующую императрицу и нежно позвал:

— Вдовствующая императрица.

Вдовствующая императрица подняла глаза, увидела его полные беспокойства глаза, сердце её смягчилось, она выпрямилась и подозвала Линь Эня к себе:

— Я в порядке, просто чувствую, от холода на душе скучно.

Линь Энь отозвался.

Фухуа с одной стороны поспешила сказать:

— Матушка, если тебе скучно, пусть тётка расскажет историю. Я обожаю слушать истории тётки.

Юэ с улыбкой помахала рукой, с горьким лицом сказала:

— Принцесса, не заставляйте меня позориться перед Вдовствующей императрицей. Это не я рассказываю хорошо, это Вдовствующая императрица дает лицо.

Вдовствующая императрица наконец рассмеялась, покачала головой:

— Если истории в твоём рту невкусные, то в этом мире мало кто умеет рассказывать истории.

Жу Янь воспользовалась моментом, чтобы сменить чай на новый, и, услышав это, с улыбкой сказала:

— Госпожа, Вдовствующая императрица больше всего любит слушать ваши истории. Сегодня вы обязательно должны рассказать до конца, иначе Вдовствующая императрица снова будет думать об этом, и даже есть будет невкусно.

— Посмотрите, по праву считается человек, находящийся рядом с Вдовствующей императрицей, и выглядит свежо, и говорит приятно, — радостно сказала Юэ.

Вдовствующая императрица отпила чая и сказала:

— Ты скорее не хвали её, улыбка на лице уже едва держится.

Жу Янь весело сказала:

— Вдовствующая императрица, госпожа говорит правду, я тоже хорошо воспитана Вдовствующей императрицей. В такой шутливой перепалке мрачность на лице Вдовствующей императрицы наконец исчезла, и в зале снова стало оживленно.

Слева от Вдовствующей императрицы сидела Фухуа, справа — Линь Энь.

Линь Энь иногда украдкой поднимал голову и бросал взгляд на Фухуа, потом быстро опускал голову, белое и изящное подбородок даже слегка покраснели, можно было представить, как он застенчив.

Юэ видела ситуацию ясно, улыбка в глазах стала глубже. Вдовствующая императрица тоже была довольна, но всё же немного тревожилась. Линь Энь имел чувства к Фухуа, но Фухуа, казалось, считала его просто обычным братом, других мыслей не было.

Вдовствующая императрица хотела породниться, но не хотела из-за этого нажить врагов.

@@@

Когда в Дворце Жэньшоу царили мир и веселье, Ци Цзюньму в Чертоге Цяньхуа смотрел на трех людей, kneeling перед ним. Он не спрашивал, что произошло, а просто так смотрел на них.

Ци Фань и Вэнь Яо скалили зубы, слезы текли ручьем, нос и глаза от боли были сжаты вместе. Но, помимо слегка растрепанных волос, на их лицах не было никаких ран.

Напротив, Шэнь Нянь был довольно спокоен, ни слова не сказал, прямо держал спину и kneeling на земле. На носу еще остались следы крови, в левом углу рта тоже был разбит кусочек, сразу было видно — его избили.

Услышав, как Ци Фань и Вэнь Яо снова застонали, Ци Цзюньму нахмурил брови и холодным голосом сказал:

— Вы вдвоем избили человека до такого состояния, как у вас еще хватает наглости жаловаться первыми?

<http://bllate.org/book/16626/1522024>